

Игра в проценты

Интервью с Брентом Скоукрофтом

© AP Images/SNA, Mehdi Ghaseini

Пульты управления Бушерской АЭС в Иране. В этой стране продолжается обогащение урана, который может использоваться в военных целях.

Брент Скоукрофт служил советником президента по национальной безопасности в 1974-1977 годах при Джеральде Форде и в 1989-1993 годах при Джордже Буше-старшем, а также работал в администрациях других президентов-республиканцев – от Ричарда Никсона до Джорджа Буша-младшего. Скоукрофт усматривает потенциальную опасность в любой попытке полностью ликвидировать ядерное оружие в мире. По его убеждению, лучше было бы так распорядиться ядерными арсеналами мира, чтобы ни у кого не возникало желания их применить. Скоукрофт, возглавляющий сегодня международную фирму бизнес-консалтинга Scowcroft Group в Вашингтоне, беседовал с ответственным редактором eJournal USA Брюсом Одесси. Интервью публикуется в выпуске электронного журнала eJournal USA за февраль 2010 года «Мир, свободный от ядерного оружия».

Вопрос: Прежде всего – к чему американцы и Советы накопили такие огромные арсеналы ядерного оружия?

Скоукрофт: По существу, наше представление о ядерном оружии, то есть о его ценности, заключалось в том, чтобы компенсировать перевес Советского Союза в обычных силах. Мы надеялись перекрыть этот дефицит своим огромным ядерным потенциалом.

А когда Советы разработали ядерное оружие в стремлении противостоять нашему преимуществу, мы решили, что и нам надо это делать для сохранения количественного и качественного перевеса. Начался бег наперегонки.

Потом мы ввели ряд инструментов для его сдерживания, например, концепцию взаимно гарантированного уничтожения, основанную на огромной поражающей силе ядерного оружия и на том, что после уничтожения противника как жизнеспособного общества дополнительное оружие перестанет быть нужным.

Все это в совокупности вылилось в гонку ядерных вооружений на фоне «холодной войны».

Вопрос: Президент Обама вновь подтвердил поставленную им цель – мир без ядерного оружия. И все же кое-кто в стране считает эту идею неудачной. Что вы об этом думаете?

Скоукрофт: Думаю, в этой концепции есть ряд серьезных изъянов. Во-первых, вряд ли мы когда-либо добьемся ее осуществления. Даже сами попытки реализовать подобную цель, на мой взгляд, способны помешать практическим действиям по укреплению стабильности в ядерном мире и достижению другой цели, которая как раз возможна и потому более желательна. Эта цель – навсегда обеспечить неприменение ядерного оружия.

Кроме того, хотя я не считаю, что мы когда-либо сможем выйти на нулевой уровень, если бы это все же произошло и больше ничего в мире не изменилось, то глобальная обстановка могла бы стать очень опасной и нестабильной. Мы не сможем стереть знания о том, как создать ядерное оружие, и в «нулевом» мире появление всего нескольких единиц такого оружия могла бы резко переломить ситуацию. Поэтому обстановка в мире стала бы, на мой взгляд, чрезвычайно нестабильной.

Вместо этого я бы ориентировался на такое изменение характера ядерных арсеналов, при котором исключалась бы вероятность применения ядерного оружия в любой кризисной ситуации. Например, одно из опасений в случае кризиса заключается в том, что тот, кто нанесет удар первым, успеет уничтожить такое количество вооружений противника, что сам сможет пережить ответный удар. Характер арсеналов с каждой стороны можно изменить таким образом, что это станет маловероятным или невозможным.

Вопрос: Поясните.

Скоукрофт: Приведу пример. Предположим, наш ядерный арсенал состоит из десяти подводных лодок с 200 единицами оружия на каждой лодке. Тогда у противника появляется соблазн перехватить восемь из них в порту и уничтожить их малыми силами. И наоборот, скажем, у каждой стороны есть тысяча МКБР с одной боеголовкой на каждой. Для их уничтожения понадобится уже намного больше оружия. И когда вы нанесете первый удар, ваши дела будут обстоять не лучше, а хуже.

Это просто пример тех расчетов, которые мы должны привести, обсуждая с Советским Союзом вопрос о создании такой взаимной структуры ядерных сил, чтобы эти вооружения практически никогда не применялись.

Вопрос: Помимо Соединенных Штатов и России есть и другие страны, обладающие ядерным оружием. Как применить вашу стратегию к этим странам?

Скоукрофт: Я бы начал с ядерных арсеналов США и России, а позднее подключил бы страны, у которых ядерного оружия меньше. Я бы рекомендовал при сокращениях, проводимых ведущими державами, ввести ряд жестких протоколов, препятствующих получению ядерного оружия новыми государствами.

Вопрос: Но ведь уже существуют протоколы, направленные против распространения ядерного оружия, а между тем...

Скоукрофт: Для меня это не более чем игра в проценты. Какой бы ни была наша цель, – избавиться от ядерного оружия совсем или добиться того, чтобы оно никогда не применялось, – результат будет один и тот же: применение ядерного оружия исключается. Мне просто кажется, что меры, направленные на предотвращение его применения, легче реализовать, чем полную ликвидацию.

Вопрос: Обе стратегии – и ваша, и стратегия президента Обамы по освобождению мира от ядерного оружия – требуют проявления политической воли от множества стран. Где же ее взять?

Скоукрофт: Страны приобретают ядерное оружие по разным причинам. Кто для сдерживания, кто ради престижа, а может быть, для угроз или принуждения. И надо, чтобы сокращениям или попыткам ликвидации оружия сопутствовало устранение причин, по которым обладание таким оружием привлекательно.

Думаю, не случайно в Договоре о нераспространении ядерного оружия призыв выйти на нулевой уровень сопровождается параллельным призывом к полному и всеобщему разоружению. Вот если бы можно было добиться полного и всеобщего разоружения, тогда по факту не осталось бы и ядерного оружия.

Один из моментов, который меня тревожит в связи с погоней за нулевым уровнем вооружений, заключается в том, что при ней, может быть, упускаются некоторые возможности и затрудняются шаги, способные снизить угрозу ядерной войны. Потому что тенденция, скорее всего, будет такой: если ставить целью нулевой уровень вооружений, надо пытаться прийти к нему напрямую и как можно быстрее. А если процесс направлен просто на сокращение численности, может случиться так, что обстановка в мире станет очень нестабильной, и в кризисной ситуации возникнет большой соблазн нанести первый удар.

Подобные соображения и побуждают меня склоняться к более осторожному подходу к этой проблеме.

Вопрос: Каким образом предполагается проверять и обеспечивать сокращение или ликвидацию вооружений?

© AP Images/Kyodo, File

Массовая демонстрация военнослужащих и гражданских лиц в Пхеньяне в честь проведения ядерного испытания в Северной Корее

Скоукрофт: Сначала придется прибегать к значительному вмешательству. На сей счет нет сомнений. Но если подобное вмешательство не будет слишком глубоким, крупным державам будет гораздо легче пойти навстречу и удовлетворить все требования – в противовес ситуации, когда вмешательство так велико, что настоящее преимущество по отношению к другим можно получить только прибегая к обману.

Несомненно, это будет непросто. Но у нас уже сейчас есть правила подсчета. Есть также и способы, хотя и несовершенные, удостовериться в том, что каждая сторона выполняет свои обязательства. Мы можем их совершенствовать и должны это делать.

Вопрос: Разве не проще обеспечить нулевой уровень ядерных вооружений, чем сохранять какое-то небольшое количество ядерного оружия?

Скоукрофт: Необязательно. В любом случае вы не выйдете сразу на нулевой уровень. Поэтому даже на пути к нулю вы должны проверять, как выполняются ваши меры по сокращению. Потом, даже если вы вый-

дете на нулевой уровень, как его проконтролировать? Может быть, контролировать нулевой уровень легче, чем контролировать численность, но не обязательно. Проверка вообще является проблемой, независимо от того, по какому пути вы идете.

Вопрос: Мы сейчас говорим о государствах, обладающих ядерным оружием. А каков самый надежный способ сделать так, чтобы ядерное оружие не попало в руки террористов?

Скоукрофт: Думаю, на практике нам надо добиться того, чтобы оно не попадало в руки террористов, еще задолго до выхода на нулевой уровень. Это насущная проблема, и подавляющее большинство стран заинтересовано в сотрудничестве для ее решения. Конечно, не все страны. Но большинство. Так что есть общий стимул предотвращать распространение ядерного оружия.

Вопрос: Верите ли вы в то, что мир сумеет избежать ядерной войны?

Скоукрофт: На данный момент – да. Я считаю, что вероятность масштабного ядерного нападения резко снизилась. Но это произошло не столько из-за сокращения самих вооружений, сколько благодаря изменениям в отношениях между ядерными державами. Думаю, неприменение оружия само по себе вырабатывает преграды на пути его использования, которые помогают укреплять этот режим. Мы многое можем сделать для того, чтобы убедить страны, считающие, что им нужно ядерное оружие, – такие как Иран, Северная Корея и другие, – в том, что оно им не нужно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

На этом пути мы добились определенного прогресса. Если оглянуться на 20 лет назад, то в то время гораздо больше стран стремилось стать ядерными державами, чем сейчас. Мы еще не полностью добились успеха, а если мы потерпим неудачу в Иране, у нас возникнут весьма серьезные проблемы. Ведь если Иран сумеет доказать, что он имеет право обогащать уран, то в результате у целой группы стран, которые сейчас не обязательно хотят получить ядерное оружие, может возникнуть желание быть к этому готовыми на случай, если им придется противостоять Ирану. В регионе это такие страны, как Египет, Саудовская Аравия, Турция, в других местах – другие государства. При этом обстановка в мире сильно осложнится.

Вопрос: Как же убедить Иран и Северную Корею, что ядерное оружие им не нужно?

Скоукрофт: Думаю, более опасным случаем является Иран – в силу характера региона, в котором он расположен. Мы должны убедить его, что продолжение обогащения урана на своей территории – независимо от того, стремится ли он создать ядерное оружие или

нет – ослабит его безопасность, а не укрепит ее. Потому что другие страны региона, скорее всего, последовали бы его примеру, и в результате обстановка в данной части мира стала бы более угрожающей.

Мы должны также – может быть, совместно с Россией – заявить о готовности выработать систему, при которой МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) гарантировало бы поставки обогащенного урана в качестве топлива для ядерных реакторов без права национального вето, пока Иран выполняет правила МАГАТЭ. А поставлять обогащенный уран можно было бы по таким ценам, которые были бы для Ирана недостижимы, если бы он обогащал уран у себя дома. При этом МАГАТЭ забирало бы отработанное топливо обратно.

Настолько далеко мы еще не продвинулись. И мы, и Россия только идем к тому, чтобы предложить подобную сделку. Но для страны, у которой нет других причин самой обогащать уран, такой довод прозвучал бы убедительно.

Вот что я бы сделал. А в отношении Северной Кореи я бы выступил с заявлением о том, что если КНДР откажется от ядерного оружия, мы готовы предложить ей нормальные отношения и совместно с Китаем и другими державами создать систему безопасности, в которой она сможет чувствовать себя спокойно и не ощущать угрозы со стороны Соединенных Штатов. Может быть, это и не сработало бы. Но попытаться, думаю, стоит. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.